

Юлия Николаевна Пантелеева

О МУЗЫКЕ НИКОЛАЯ КОРНДОРФА: В ПРОСТРАНСТВЕ ИНТЕРТЕКСТА

*«...Мы всегда должны помнить о том,
что книги разговаривают друг с другом».*

Умберто Эко

Вокруг термина «интертекстуальность»

Термины «интертекст» / «интертекстуальность», ставшие неотъемлемой частью концептуального языка современных гуманитарных наук, особенно наглядно раскрывают свой методологический потенциал применительно к искусству эпохи постмодерна. И хотя идею диалога, которой данные понятия во многом обязаны своим происхождением (одной из отправных точек для Ю. Кристевой, выдвинувшей в конце 1960-х годов термин *l'inter-textualité*, послужили труды М. Бахтина), можно увидеть повсюду, именно в отношении постмодернистского искусства вопрос межтекстовых связей приобретает особую актуальность.

Понятие интертекстуальности, если проследить его в развитии, накопило с момента своего возникновения значительный запас последующих толкований, повлиявших на производство новой терминологии: транс-, мета-, архи-, пара-, гипо-,

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

гипертекстуальность. Не следует, видимо, упускать из виду и тот факт, что сам автор термина интертекстуальность вскоре предпочел использовать другой – «транспозиция», о чем говорится в книге Ю. Кристевой «Революция поэтического языка», посвященной авангардным явлениям во французской поэзии конца XIX века (Лотреамон, Малларме): «Термин *интертекстуальность* означает переход из одной (или нескольких) знаковых систем в *другую*; но поскольку данное понятие часто толкуется в тривиальном смысле “изучения текстовых источников”, мы отдадим предпочтение термину *транспозиция*...»¹ [14, 59].

Вместе с тем понятие интертекста было усвоено гуманитарными науками и прочно закрепилось в их лексиконе. Важнейшую роль здесь сыграли работы Р. Барта, в которых новые концептуальные подходы были изложены своеобразным языком научно-литературной прозы, органично сочетающей в себе логику рациональных построений с принципом «удовольствия от текста». Одна из лаконичных бартовских дефиниций, концентрированно передающая суть этого понятия, гласит: «...Текст – это раскавыченная цитата» [1, 486]. Заметим, что таким «коротким и энергичным именем», по выражению Г.К. Косикова, известного переводчика и исследователя современной французской философской мысли, Барт заменил кристевский интертекст.

Раскрывая содержание этого термина, Барт прибегает к «силе метафоры» (Э. Кассирер) и дает ряд символических аналогий: сеть, паутина, ткань. Образ переплетающихся ² друг с другом гетерогенных нитей-кодов настолько точно соответствует текстовой

---

¹ Перевод здесь и далее мой – Ю.Л.

² На этимологическую общность слов текст и ткань в одной из работ указывал также и Ю. Лотман, воспринимавший всю культуру в целом как сложное переплетение текстов.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

структуре, что ученый подбирает для теории текста специальное наименование, этимологически более точное – «гифология»³.

В представлении Барта текст – это еще и «галактика означающих», пространство, где обитают «анонимные, неуловимые», «уже читанные» (*dejà lu*) цитаты. О своеобразном эффекте дежавю, постоянно возникающем в условиях интертекста, говорится и в другом бартовском определении: «...Текст – это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат» [1, 415]. Мысль о повсеместности цитаций, которые могут быть точными, явными, закавыченными или, наоборот, неявными, неточными, почти неуловимыми свидетельствами присутствия других текстов и дискурсов, сближает позицию Барта с точкой зрения американского писателя и философа Р. Эмерсона, утверждавшего: «КАЖДАЯ книга – это цитата; и каждый дом – это цитата из всех лесов, рудников и каменоломен; и каждый человек – это цитата всех своих предков» [13]⁴.

Повторение слов «каждый» и «все» в данном высказывании призвано усилить тезис о всепроникающем механизме цитирования и представить воспроизведение предшествующего опыта практически как неизбежное. Но если здесь речь идет только об исторической преемственности, предполагающей лишь один временной вектор «от прошлого к будущему», то интертекстуальность допускает возможность разнонаправленных связей, свободно возникающих между текстами внутри всей ткани культуры.

---

³ «Любитель неологизмов мог бы определить теорию текста как “гифологию” (гифос – ткань, завеса, паутина)» [11].

⁴ «EVERY book is a quotation; and every house is a quotation out of all forests and mines and stone-quarries; and every man is a quotation from all his ancestors».

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

Какие же эстетические позиции, «выговоренные» или «невыговоренные» творцами, можно было бы обозначить исходя из отношения художника к тому, что называется памятью культуры? Для наглядности представим две крайние точки зрения. Одна состоит в декларативном отрицании того, что несет в себе память, будь то личная память или память культуры в целом. Другая, напротив, предполагает открытость к опыту прошлого, воспринимаемому как «мировая энциклопедия» (У. Эко), «фантастическая библиотека» (М. Фуко) и т.д.

Если говорить о первой из названных позиций, то следует назвать Пьера Булеза, который считал необходимым противостоять тому влиянию, которое культурная память оказывает на творческое сознание. Сравнивая память с александрийской библиотекой, композитор призывал, не без оттенка эпатажности, сжигать ее. «Забывать все, абсолютно все», – такая идея звучит в его очерке 1971 года, написанном после ухода из жизни И. Стравинского: «...У каждого в распоряжении есть энциклопедия культуры и в любое мгновение – вся память мира... Стало практически невозможно игнорировать историю, не только историю своей собственной культуры, но и других цивилизаций, как самых далеких, так и самых близких; пространство и время упразднены. <...> Я буду петь хвалу амнезии» [12, 410].

Судя по эссе 1997 года, аналогичная точка зрения сохранилась у композитора и четверть века спустя: «Думаю, некоторая форма амнезии абсолютно необходима, чтобы выжить. *Nolens volens* в нас содержится если не огромная, то, по крайней мере, очень значительная библиотека. И нужно каждый день ее сжигать. Здесь я снова процитирую Рене Шара: “Библиотека в огне...”. Она все время будет возрождаться как феникс из пепла, и

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

никогда не надо падать духом, заново приступая к одному и тому же действию – беспрестанно ее сжигать, хотя она будет вновь и вновь возрождаться [12, 471]».

Столь радикальной, если не сказать нигилистической, позиции можно противопоставить другую, когда автор не только не изолирует себя от опыта прошлого, но активно к нему апеллирует, заимствуя оттуда материал, необходимый для создания новой целостности. Такое понятие, как «стерильная память», характерное для лексикона Булеза, совершенно несвойственно, например, У. Эко, романы которого изобилуют цитатами и отсылками к текстам разных эпох.

Умение включиться в интертекстуальную игру и распознать точки выхода к другим текстам и контекстам составляет привилегию так называемого «искушенного» читателя. Впрочем, и «наивный» читатель, не подозревающий об интертекстуальном объеме произведения, равным образом может воспринять смысл повествования, пусть лишь на уровне развития сюжета.

В данном случае речь идет о так называемом двойном прочтении и двойном кодировании – характерном свойстве постмодернистских текстов, таких как романы У. Эко. В контексте приведенных выше слов Булеза о «библиотеке в огне» уместно будет вспомнить и о библиотеке-лабиринте из романа «Имя розы», символизирующей собой накопленный цивилизацией опыт. В качестве антипода булезовской «хвале амнезии» можно назвать роман Эко «Таинственное пламя Царицы Лоаны», фабула которого заключается как раз в идее избавления от амнезии. Обретение героем утраченной памяти, то есть архива личных воспоминаний, происходит благодаря так называемой «бумажной» памяти, состоящей «не из нейронов, а из печатных листов»...

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

Современное изобразительное искусство дает множество примеров взаимодействия художника с памятью культуры, в том числе, когда заимствуются не только отдельные фрагменты из произведений других авторов, но воспроизводится чужое высказывание в целом. Такой подход характерен, в частности, для колумбийского художника Фернандо Ботеро (р. 1932), склонного переосмысливать в своих картинах взятый за основу классический визуальный текст. Заметить в его работах интертекстуальную иронию, в общем, не составляет труда, поскольку она проявляется не в зашифрованном или опосредованном виде, а, напротив, представлена в обескураживающе прямой, демонстративной отсылке к шедеврам европейской живописи – полотнам Пьеро делла Франческа, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Диего Веласкеса, Энгра и другим. Полностью сохраняя композицию оригинала и несколько варьируя его название, художник «пересказывает» знаменитые картины в своей особой эстетической манере преувеличенных телесных форм.

В целом же проявления интертекстуальности в искусстве и литературе исключительно многообразны и включают в себя различные способы взаимодействия с другими текстами, такими как ремейк, аллюзия, пародия, парафраз, конечно же, цитации, вплоть до так называемых цитатных произведений и т.д.

Композиторское творчество сегодняшнего дня, как и современное искусство в целом, демонстрирует большое разнообразие в том, что касается способов интертекстуального мышления, и музыка Николая Корндорфа (1947–2001) не является в этом смысле исключением. Неавторскому по происхождению материалу, или чужому слову, в произведениях композитора отведена значительная роль. Чтобы убедиться в этом, достаточно

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

назвать «...si muove!» (1993) – сочинение, написанное в жанре инструментального театра и представляющее собой оригинальный опыт соединения различной в стилевом отношении музыки, или неоконченное симфоническое произведение с символическим названием «Прощание», полностью основанное на цитатах из русской классики.

Что представляет собой межтекстовый диалог в сочинениях Николая Корндорфа? Какую функцию в них выполняют цитации? Каким образом композиторский идиолект, будучи столь открытой по отношению к чужому слову системой, не теряет своей идентичности?

Обобщенную картину работы с цитируемым материалом в музыке Н. Корндорфа мы уже имели возможность представить [6], поэтому в данном случае внимание будет сосредоточено на двух произведениях, созданных композитором во второй половине 1990-х годов. Речь идет о Четвертой симфонии «Underground music» («Музыка андеграунда») (1996) и композиции для фортепиано «Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису» (1999).

Жанр и величина этих произведений, если говорить литературоведческим языком, представляют собой большую и малую формы и указывают скорее на область различий, нежели сходств. Вместе с тем оба сочинения свидетельствуют о некоем общем направлении художественной мысли Корндорфа, характерном для последнего десятилетия его жизни, совпавшего с концом века и в определенной степени выразившего этот дух *fin de siècle*.

«Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису»: цитаты и их смысловые коды

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

Жанровая основа произведения «Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису» [5] уже сама по себе конструирует диалогическую ситуацию в формате отправитель – адресат. Надо сказать, что письмо представляет собой весьма редкий (в музыкальном искусстве) и оттого примечательный своими художественными решениями жанр. Вот лишь некоторые примеры «эпистолярных» произведений в музыке: «Письмо» В. Ребикова для фортепиано, романс С. Рахманинова «Письмо К.С. Станиславскому от С. Рахманинова»; посвященное Паулю Захеру сочинение «Messagesquise» П. Булеза для солирующей виолончели и шести виолончелей; «Письмо Зайцева» А. Вустина (с титульным посвящением Э.В. Денисову) для голоса, струнных и большого барабана; фортепианный цикл «Избранные письма Сергея Рахманинова» А. Батагова и его же сочинение «ГДЕ НАС НЕТ. Письма игумении Серафимы».

Непосредственным импульсом для Н. Корндорфа послужило сочинение «Переписка 1985» В. Мартынова и Г. Пелециса, прозвучавшее 12 октября 1998 года в Рахманиновском зале Московской консерватории в исполнении пианистов Алексея Любимова и Ивана Соколова. Познакомившись с записью этого сочинения, Корндорф, живший в 1990-е годы в Канаде, откликнулся собственным музыкальным письмом, адресованным бывшим сокурсникам по Московской консерватории. Интересно, что свое произведение композитор отправил по почте в Ригу и Москву, воспользовавшись неожиданной подсказкой – концертной программкой с напечатанным на ней конвертом письма Г. Пелециса В. Мартынову, где были указаны адреса обоих композиторов. Таким образом, нашла продолжение форма реального обмена

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

музыкальными посланиями, благодаря которому до этого возникла «Переписка» В. Мартынова и Г. Пелециса.

Произведение Корндорфа – семантически многослойный текст, который может быть воспринят на разных уровнях организации: и как повествование, обладающее внутренней цельностью и структурой, и как высказывание, опосредованное в чужом слове и имплицитно связанное с другими текстами. Причем отмеченные уровни смысловой организации не являются взаимоисключающими и скорее дополняют друг друга.

Интертекстуальный объем «Письма» в значительной степени определяется заимствованным материалом – точными цитатами и аллюзиями на стиль других авторов. Эти гетерогенные коды вплетаются в основной текст, наполняя его стереофонией смыслов. Кроме того, разнообразные перекрестные ссылки, возникающие между собственными произведениями, – отнюдь не редкость в музыке Н. Корндорфа. Анализируя поздний стиль композитора на примере хоровой композиции «Echo» (1999) и сочинения для виолончели и фортепиано «Triptych (Lament, Response and Glorification)» (1999), мы отмечали эффект эхообразной переключки между финальной пьесой этого цикла и текстурой «Письма»: «Исследовательский “эхолот” уловит также и связь с другими композициями. Созданное в том же году “Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису” для фортепиано соло напрямую соотносится с третьей частью “Триптиха” – пьесой “Glorification”. Названия частей инструментального “Триптиха” – “Lament” (Жалоба, стенание, плач), “Response” (Ответ, отклик) и “Glorification” (Прославление, восхваление) суть выговоренная в афористической форме поэтика» [7, 212].

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

Логично поэтому было бы воспринять название пьесы «Glorification» как своего рода авторскую экспликацию, дающую ключ к содержательному плану «Письма». И если обширная кульминация «Письма» олицетворяет собой идею славословия, то тема, из которой постепенно вырастает эта ликующая гимническая звучность, представлена в начале пьесы тихой прерывистой речитацией фортепиано (g-moll), наполненной глубоким внутренним смыслом.

Среди неавторских тем, включенных композитором в текст «Письма», есть и цитата из «Весенней кантаты» Г. Свиридова (B-dur). Обратившись к этому произведению, можно увидеть, что словесный ряд здесь представлен строками из стихотворения Н. Некрасова: «Хорошо, светло в мире божем, хорошо, легко, ясно на сердце». Таким образом, вербальная часть музыкальной цитаты, оставшаяся за кадром, как бы расшифровывает тот смысл, который свиридовская тема привносит в содержание «Письма».

В музыкальной ткани сочинения Корндорфа можно распознать и цитату из финала Седьмой сонаты С. Прокофьева, пожалуй, самую масштабную из всех. Нельзя не обратить внимания на то, что текст сонаты остается практически неизменным (изымается лишь звук *cis* в середине цитаты). В то же время Корндорф весьма авангардно трактует первоисточник с исполнительской точки зрения: вся фактура, и без того требующая большой виртуозности, полностью переносится в партию левой руки. Поскольку в верхнем пласте продолжает звучать свиридовская тема, то возникает своего рода контрапункт. Впрочем, благодаря единой ритмической пульсации и общему высотному уровню (B-dur), этот насыщенный звукообраз вполне может быть воспринят и как нечто целостное.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

С точки зрения содержательности, трудно однозначно утверждать, что именно несет в себе прокофьевская цитата, наполненная железным напором своей ритмической энергии. Как известно, смысловая множественность произведения, как и его толкований, является достоинством художественного высказывания. Сошлемся лишь на один из примеров рецепции этого произведения – слова С. Рихтера, первого исполнителя Седьмой сонаты⁵.

Обширный кульминационный раздел «Письма» примечателен появлением еще одной цитаты: в данном случае речь идет о фрагменте фортепианного сочинения К. Дебюсси «Île joyeuse» («Остров радости»)⁶, название которого говорит само за себя. Для того чтобы музыка Дебюсси органично вписалась в текстуру произведения, Корндорф вносит в цитируемый фрагмент небольшие изменения: из фактуры исчезает арпеджированный аккомпанемент, он становится аккордовым, кроме того, изымаются пунктиры, что позволяет свести ритм всех заимствованных тем к общему знаменателю – равномерному пульсу восьмыми.

Корндорф, таким образом, не только заимствует чужие слова, но, изменяя их, подчиняя их собственной интенции, делает своими. Именно об этом процессе присвоения чужого слова говорил М. Бахтин: «Слово языка – полужужое слово. Оно станет “своим”,

---

⁵ «Соната бросает вас сразу в тревожную обстановку потерявшего равновесие мира. Царит беспорядок и неизвестность. Человек наблюдает разгул смертоносных сил. Но то, чем он жил, не перестает для него существовать. Он чувствует, любит. Полнота его чувств обращается теперь ко всем. Он вместе со всеми и вместе со всеми протестует и остро переживает общее горе. Стремительный наступательный бег, полный воли к победе, сметает все на своем пути. Он крепнет в борьбе, разрастаясь в гигантскую силу, утверждающую жизнь» [9].

⁶ Композитор также сделал переложение этого сочинения для большого симфонического оркестра.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

когда говорящий населит его своею интенцией, своим акцентом, овладеет словом, приобщит его к своей смысловой и экспрессивной устремленности. До этого момента присвоения слово не в нейтральном и безличном языке (ведь не из словаря же берется говорящим!), а в чужих устах, в чужих контекстах, на службе у чужих интенций: отсюда его приходится брать и делать своим» [2, 106].

Завершающий раздел пьесы примечателен драматургическим ходом, который позволяет внезапно переключиться в иную образную и стилистическую среду: здесь возникает музыка, явно ориентированная на моцартовский стиль. Сам автор в письме пианисту и композитору И. Соколову говорил о «намёках» на Симфонию № 40 В.А. Моцарта, а именно на заключительную партию медленной части. Кроме этого, мы усматриваем в данном разделе «Письма» еще и отчетливое тематическое сходство с арией Сюзанны «*Deh vieni non tardar, o gioia bella*» из оперы «Свадьба Фигаро».

Если допустить, что изящная «венская» тема Корндорфа, наполненная отзвуками моцартовской музыки, включает в себя смысл и этой любовной арии, текст которой можно перевести как «Приди же скорей, радость моя», то наше предположение окажется вполне оправданным, ведь образ радости в «Письме» является одним из важнейших, если не сказать, концептуальным.

Три цитаты из музыки Свиридова, Прокофьева и Дебюсси, освоенные Корндорфом, органично соединяются друг с другом в едином художественном высказывании, внося в него дополнительные – коннотативные – уровни смысла, расширяя тем самым область музыкальных значений.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

Итак, музыкальное послание Николая Корндорфа – текст, допускающий различные способы своего прочтения и истолкования. Воспринять этот нарратив можно и как прямое высказывание, и как «непрямое говорение»: сотканное из своих и чужих слов и пронизанное различными смысловыми кодами, «Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису» становится для реципиента настоящим «семиологическим приключением».

«Свои-чужие» слова в «Underground music»

Четвертая симфония «Underground music» («Музыка андеграунда») (1996) – произведение, необычное по своему замыслу и воплощению⁷. Несмотря на классическую структуру сонатно-симфонического цикла, в которую точно вписывается это произведение, оно обладает совершенно особым «эстетическим идиолектом».

Познать художественную идею симфонии помогает, прежде всего, «слово композитора», представленное как в устных высказываниях автора [см.: 3], так и в литературном эссе, написанном композитором спустя несколько лет после создания симфонии.

Понятие андеграунда, ставшее титульным в произведении, Корндорф толковал абсолютно индивидуально, наделяя его значением, совершенно отличным от общеупотребительной практики. Лишенное каких-либо идеологических, социокультурных и прочих коннотаций, это понятие применялось Корндорфом

---

⁷ Премьера симфонии состоялась 19 декабря 1997 года в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии. Сочинение исполнил Заслуженный коллектив республики Оркестр Санкт-Петербургской филармонии под управлением дирижера Александра Лазарева. Именно этому музыканту и посвятил композитор свою симфонию.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

исключительно к творческой личности. Оно дало возможность определить, а значит, выделить из множества смежных явлений именно то, что составляет часть натуры художника, которая могла проявиться, с одной стороны, в гениальном творческом жесте, в создании шедевра, а с другой – в «странностях» эстетического вкуса и «отрицательных» формах поведения.

Обосновывая свое представление об андеграунде, Корндорф пишет: «Если исходить из того, что культура и искусство являются отражением внутренней культуры, внутреннего мира человека, то термин “андеграунд” можно употребить шире, отнести его к самому человеку, к его внутренней культуре, к его духовной жизни, и отделить им те стороны его существа, которые находятся “под землей”, “в подполье”, на “дне” души. Андеграунд души, андеграунд внутренней культуры – составная часть каждого человека. Это данность, которая не может быть названа ни плохой, ни хорошей, ни возвышенной, ни низменной» [4]. Корндорф, таким образом, выводит понятие андеграунда за пределы указанных категорий, специально подчеркивая мысль о том, что «... он столь же ценен, как и другие стороны личности, так как является частью ее сути, частью неделимого целого» [4].

Размышления над судьбами четырех русских художников – М. Мусоргского, С. Есенина, А. Зверева и В. Ерофеева – послужили для композитора непосредственным импульсом к написанию симфонии. Причем основу «поэтической лексики» произведения составил главным образом неавторский материал: заимствованный либо стилизованный.

Симфония стала уникальным обобщением явлений музыкального андеграунда, который Корндорф видел в самых разных областях: в произведениях композиторов-классиков и

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

фольклоре, в церковном обиходе и в разнообразных формах любительского, непрофессионального музицирования и т. д. Яркими звукообразами вошли в симфонию цитаты из классической музыки – произведений Гайдна, Моцарта, Бетховена, Малера, Стравинского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Бородина, Шостаковича, Берга, Орфа. Причем, наряду с целыми темами, композитор использовал и небольшие их фрагменты, соединенные настолько искусно, что следы такой контаминации оказываются практически неразличимыми.

«Свой-чужие», или «чужие освоенные» слова (термины М. Бахтина) представлены в симфонии не только заимствованиями из композиторской и стилизациями некомпозиторской музыки, будь то фольклор, песнопения обихода, country music, рок-музыка и многое другое. К ним относится и собственная музыка Корндорфа, которая тоже фигурирует в данном тексте, но уже в статусе цитаты. Речь идет об оркестровых Гимнах и фортепианной «Колыбельной», присутствие которой нам удалось обнаружить в целом ряде сочинений композитора [8].

Итак, «Underground music» представляет собой индивидуальное по стилю, внутренне целостное высказывание, в основе которого лежит гетерогенный музыкальный материал. «...Композитор не создает коллажную композицию, или мозаику, искусно располагая темы, но формирует цельное, пронизанное едиными силовыми линиями симфоническое полотно. <...> Художественная ткань третьей части не есть только референциальное поле – поле отсылок к другим текстам, она не есть только совокупность музыкальных знаков, данных в определенной последовательности, она есть, прежде всего, авторское повествование, слова в котором – заимствованные, но их сочетание,

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

комбинаторика и, как следствие, композиция рождает глубоко индивидуальное высказывание. Композитор обращается с “чужим” материалом как со своим...» [8, 198], подчиняя его своей художественной задаче, своей интенции и своей интонации.

Добавим в заключение следующее. Умберто Эко, размышляя об интертекстуальности в связи с собственной писательской стратегией, указывал на четыре вида интенций, от которых зависит смысловой потенциал текста. К своей триаде «*интенция автора, интенция текста, интенция читателя*» [10, 155], ученый относит еще один существенный компонент – «*интенцию интертекста*». В пространстве, наполненном такими сложными и многосторонними отношениями, находится, конечно, и музыка нашего современника Николая Корндорфа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 413–423.
2. *Бахтин М.М.* Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–233.
3. Вокруг Четвертой симфонии (беседа Ю. Пантелеевой с композитором Николаем Корндорфом) // Музыкальная академия. 2002. № 2. С. 64–70.
4. *Корндорф Н.С.* Эссе об андеграунде (рукопись).
5. *Пантелеева Ю.Н.* «Письмо В. Мартынову и Г. Пелецису» Николая Корндорфа: о музыкально-композиционном методе. Лекция по курсам «Методология современного музыкознания» и «Техники композиции XX века». М.: РАМ им. Гнесиных, 2011.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

6. *Пантелеева Ю.Н.* Opus citatum в музыке Николая Корндорфа // Николай Корндорф: Материалы. Статьи. Воспоминания. Редакторы-составители: Е.А. Николаева, И.В. Вискова, Г.Ю. Аверина. М.: Научно-издательский центр “Московская консерватория”, 2015. С. 182–195.
7. *Пантелеева Ю.Н.* К проблеме «позднего стиля»: «Еcho» и «Труптич» Николая Корндорфа // Процессы музыкального творчества. Вып. 10. Сб. тр. РАМ им. Гнесиных. Вып. 172. Ред.-сост. Е.В. Вязкова. М.: РАМ им. Гнесиных, 2008. С. 208–237.
8. *Пантелеева Ю.Н.* Поэтика стиля Николая Корндорфа. Дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. М., 2004.
9. *Рухтер С.Т.* О Прокофьеве [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opentextnn.ru/music/personalia/prokofiev/?id=848>.
10. *Эко У.* Борхес и мой страх влияния // О литературе: эссе. Пер. с ит. С. Сидневой. М.: АСТ: CORPUS, 2016. С. 151–171.
11. *Barthes R.* Texte (Théorie du) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychanalyse.com/pdf/>.
12. *Boulez P.* Regards sur autrui. Points de repères II. Paris: Christian Bourgois Éditeur. 2005.
13. *Emerson R.* Quotation and Originality [Электронный ресурс] // The Complete Works. Vol. VIII. Letters and Social Aims. 1904. URL: <http://www.bartleby.com/90/o8o6.html>.
14. *Kristeva J.* La révolution du langage poétique. Paris: Édition du Seuil, 1974.

BIBLIOGRAPHY

1. *Bart R.* Ot proizvedeniya k tekstu // Izbrannye raboty: Semiotika. Poehtika. М.: Progress, 1989. S. 413–423.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

2. *Bahtin M.M.* Slovo v romane // Voprosy literatury i ehstetiki. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1975. S. 72–233.
3. Vokrug CHetvertoj simfonii (beseda YU. Panteleevoj s kompozitorom Nikolaem Korndorfom) // Muzykal'naya akademiya. 2002. № 2. S. 64–70.
4. *Korndorf N.C.* EHsse ob andegraunde (rukopis').
5. *Panteleeva YU.N.* «Pis'mo V. Martynovu i G. Pelecisu» Nikolaya Korndorfa: o muzykal'no-kompozicionnom metode. Lekciya po kursam «Metodologiya sovremennogo muzykoznanija» i «Tekhniki kompozicii HKH veka». M.: RAM im. Gnesinyh, 2011.
6. *Panteleeva YU.N.* Opus citatum v muzyke Nikolaya Korndorfa // Nikolaj Korndorf: Materialy. Stat'i. Vospominaniya. Redaktery-sostaviteli: E.A. Nikolaeva, I.V. Viskova, G.YU. Averina. M.: Nauchno-izdatel'skij centr “Moskovskaya konservatoriya”, 2015. S. 182–195.
7. *Panteleeva YU.N.* K probleme «pozdnego stilya»: «Echo» i «Tryptich» Nikolaya Korndorfa // Processy muzykal'nogo tvorchestva. Vyp. 10. Sb. tr. RAM im. Gnesinyh. Vyp. 172. Red.-sost. E.V. Vyazkova. M.: RAM im. Gnesinyh, 2008. S. 208–237.
8. *Panteleeva YU.N.* Poehtika stilya Nikolaya Korndorfa. Diss. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02. M., 2004.
9. *Rihter S.T.* O Prokof'evе [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.opentextnn.ru/music/personalia/prokofiev/?id=848>.
10. *Ehko U.* Borhes i moj strah vliyaniya // O literature: ehsse. Per. s it. S. Sidnevoj. M.: AST: SORPUS, 2016. C. 151–171.
11. *Barthes R.* Texte (Théorie du) [EHlektronnyj resurs]. URL: <https://www.psychanalyse.com/pdf/>.
12. *Boulez P.* Regards sur autrui. Points de repères II. Paris: Christian Bourgois Éditeur. 2005.

Музыкальное творчество рубежа XX–XXI столетий

13. *Emerson R.* Quotation and Originality [Электронный ресурс] // The Complete Works. Vol. VIII. Letters and Social Aims. 1904. URL: <http://www.bartleby.com/90/0806.html>.

14. *Kristeva J.* La révolution du langage poétique. Paris: Édition du Seuil, 1974.

